

г. Горький, ул. Университетская, 8,
В. Лебскому, для Али Агаповой

Аля, милая!

Прежде всего, прошу у Вас прощения за то, что долго не отвечал Вам на Ваше письмо и, кстати, поблагодарить Вас за него от всего сердца. Как приятно было читать его, Аля. Если б Вы знали! Вы замечательный человек! И я был чрезвычайно тронут, что Вы где-то в глухи, в медвежьем углу* вспомнили обо мне. Поверьте, милая, славная, что это не фразы пустой любезности, не лесть, не комплименты. Это истинное чувство восхищения настоящими, прекрасными качествами человеческой души, так редко встречающимися теперь. И странно, что ничего особенного нет в Вашем письме, но, читая его, я так живо представляю хорошую, какую-то всю мягкую, добрую Алю, так ярко представляю, что как будто разговариваю с ней.

Позвольте мне принести, хоть и запоздалое, но искреннее поздравление с Новым Годом и пожелать, чтоб он встретил Вас теплее и приветливее в Москве. Вот Вы мне пишете, что с удовольствием вспоминаете наши прогулки,

* А. Малеев отвечает Е. Агаповой на письмо, посланное ей из I Колхозного театра Горьковской области.

а у меня они, честное слово, оставили какой-то горький осадок, что я не мог Вас, скитающихся в поисках хорошего настоящего светлого и радостного чего-то, приютить у себя, и сейчас вот стало как-то грустно и жалко Вас... Ведь для работы в медвежьих углах люди специально рождаются, и они довольно обстоятельствами и обстановкой, и вот потому-то ужасно обидно, когда туда попадают люди случайно, по недоразумению, люди, сумевшие бы сделать большее и заслуживающие лучшей участи, как несправедлива жизнь... но... виноват, Аля. В таких случаях, кажется, нужнее слова утешения, а я, видите ли, ною и сетую за Вас. Нехорошо, и довольно... Хочется мне поделиться своими радостями, но боюсь усугубить Ваше, как мне кажется, неудовлетворённое... ну как бы сказать, не подберу выражения! состояния духа, в смысле работы и места, но я сейчас в несколько приподнятом настроении после спектакля и потому не могу удержаться и не поделиться с Вами и с Виктором*.

«Гроза» прошла без бурных успехов. От этого спектакля ожидали большего. «Пиквик» – наоборот, но это понятно – комедия! Несомненно, «Гроза» значительный и серьёзный спектакль, но трагедия Катерины трогает теперь не особенно многих людей. Подумаешь! Изменила мужу – и в воду! Нас не удивишь! Мы имеем ассортименты мужей и жён! Но всё-таки зрительный зал плачет.

О себе в «Грозе». 1-го «гражданина» играю неважно, там внешний образ (по требованию Вл. Ив. Немировича-Данченко) расходится с внутренней сущностью персонажа Островского, и совместить наивные вопросы молодого парня (по Островскому) с толстобрюхим рыжим и ражим купцом с лысиной (по Нем. Данч.) – мне не удалось. Но за 5-й акт, за одну фразу в нём о «капельке крови» на виске Катерины – меня хвалят все, и даже скоро появится статья в стенгазете об этом, чего ещё не было в Худ. театре – внимание со стороны общественности. Там пишут ещё об одном моём товарище, и мы с волнением ждём появления статьи, до того это необычайное и небывалое событие. Это очень интересно.

Репетиции «Врагов» идут полным ходом, и в середине февраля пьеса выйдет. С Грековым пока всё благополучно. Одновременно в филиале выйдет «Мольер» Булгакова, но там я занят в народной сцене. Возобновляется «Царь Фёдор», идут репетиции, но там я – только боярин Шуйский. Правда, я назначен официальным дублём Голубя-сына, но это – Улита едет... Самое радостное то, что вчера только я сыграл Симонсона в «Воскресении». Это счастливейший день всей жизни! Не буду говорить о том, что эта работа является плюсом в смысле укрепления положения моего в театре и несомненного движения вперед в смысле актёрского роста. Нет! Меня вчера страшно зволновало отношение товарищей, этих наистройнейших критиков и холодных людей, где дело касается выдвижения их товарища. Вчера все пришли смотреть меня и после спектакля пришли в уборную, чтобы поздравить. Обычно этого не бывает: в большинстве случаев прячут глаза при встрече и говорят общие фразы об исполнении – это значит, что роль сыграна плохо. Так было с 4-м актом «Грозы». Вчера они хвалили меня и сделали несколько деловых замечаний, вместо обычной огульной ругани и к делу, и не к делу (т.е. это я говорю вообще, а то получается так, что будто они меня только и ругают; это у нас всеобщая ругань).

Я на критике товарищей и на их отношении останавливаюсь так долго потому, что они безжалостней и, пожалуй, откровеннее старших товарищей и режиссёров, и я убедился в этом, когда один из нас сыграл Крыльцова в том же спектакле. Судаков хвалил его, а мы, большинство, до сих пор не принимаем и не признаем такого Крыльцова. Вот потому мне похвала ребят, искренняя, конечно, дороже – простите, Аля, похвалы В. И. Качалова. А он сказал вчера мне: «К сожалению, не застал начала сцены, но то, что я слышал, – это хорошо, хорошо говорите». Это буквально до единого слова. Но ведь Вас. Ив. и за Кольцова хвалил Людвигова, а потому мне это не

* А. Малеев имеет в виду Виталия Лебского.

особенно лестно. Судаков меня ещё не видел. Вот это, я считаю, самое моё большое достижение за три с половиной сезона. Да ещё дублирую-то я кому! Заслуженному! Да ещё моему любимому – Кедрову. О, это мне необычайно приятно, и потом я люблю Симонсона. Поэтому играю с наслаждением. Но роль очень уж трудна. А сегодня ещё сыграл новую роль – свирепого извозчика в «Пиквике», так что ребята шутят: «А завтра что новенькое играешь?» Действительно, редкий случай – два дебюта подряд. Ну, об этой роли не буду распространяться, потому что не особенно люблю её в нашей трактовке, и потом плохо играл. Собственно, не плохо, а просто «недоиграл», как говорят, потому что была только одна репетиция 31-го, прошло уже пять дней, первый спектакль и т.д. (не думайте, что у меня вообще была одна репетиция! Нет, я много репетирован раньше, но «Гроза» взяла меня в свой состав, и я месяца 4 не появлялся на «Пиквике»). Театр наш с 1 января перешёл на прерывку, т. к. по 17-м, 18-м, 19-м и т д. числам закрыт. Это как-то пока странно и непривычно.

Ну, вот всё, что я могу сказать сейчас о себе... Если Вас что-нибудь интересует, то напишите мне, Аля, я буду рад получить Ваши письма, а если и Виктор удосужится написать – ещё более хорошо. От Саши Куницына получил письмо, где он недоумевает по поводу нашей размолвки с ним, а я даже и забыл причину её. Он в Йошкар-Оле. Напишу ему. Интересно, что он там поделывает. Ну, всего, всего Вам хорошего.

Саша. Москва, МХАТ СССР
5 января 1935 года.

P.S. Программок типа «Вишнёвого сада», спектакли «Гроза» и «Пикник» ещё не имеют.